

СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ДЕТЕРМИНАНТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО (НАЦИОНАЛЬНОГО) НАРЦИССИЗМА: РОЛЬ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ, ПОЛА И ПОКОЛЕНИЯ

© Тарасов С.В.

Кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия
tarasovsemv@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8790-7219

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 0138–2024–0018 «Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса»)

Для цитирования:

Тарасов С.В.

Детерминанты коллективного (национального) нарциссизма: роль психоэмоциональных состояний, пола и поколения // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. №2(19). С. 62-75. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_02_06

Tarasov S.V.

Determinants of collective (national) narcissism: the role of psycho-emotional states, sex and generation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 62-75. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_02_06

В статье рассматривается коллективный (национальный) нарциссизм как феномен, проявляющийся в условиях воспринимаемой уязвимости идентичности и связанный с агрессивной защитой группового имиджа. В условиях глобальных рисков это становится значимым маркером социальной дезинтеграции общества. Понимание детерминант нарциссизма позволит снизить возможные негативные эффекты для российского общества. *Цель* настоящего исследования — анализ многоуровневой системы детерминант (социально-психологические, идеологические и эмоциональные) коллективного (национального) нарциссизма. *Выборка*. В исследовании приняли участие 800 россиян в возрасте от 26 до 58 лет ($M=41,58$, $SD=3,03$; 50,3% женщин, 49,75% миллениалы, 50,25% реформенное поколение (X)). *Методы*. Шкала коллективного нарциссизма в адаптации М.О. Романовой и коллег, шкалы гражданской и глобальной идентичности в адаптации Т.А. Нестика, короткие версии шкал из методики Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева, шкала РНҚ-4

в адаптации А.А. Золотаревой и коллег, шкала позитивного и негативного аффекта в адаптации Е.Н. Осина. *Результаты*. Основной вклад в национальный нарциссизм вносят идеологические установки и психоэмоциональные состояния россиян. У женщин, в отличие от подгруппы мужчин, вклад вносят позитивный аффект и депрессия. Поколение миллениалов имеет более выраженные показатели депрессивного и тревожного состояния, сильнее переживает негативный аффект, чем реформенное поколение. Вклад гражданской и глобальной идентичности в уровень национального нарциссизма опосредован выраженностью психоэмоциональных состояний. *Выводы*. Национальный нарциссизм у россиян, вне зависимости от пола и поколения, выступает как компенсация уязвимости группы и защитный механизм идентичности в актуальной ситуации кризиса.

Ключевые слова: коллективный нарциссизм, национальный нарциссизм, детерминанты, идеологические установки, психоэмоциональные состояния, гражданская идентичность, поколение, пол

Введение

Эпоха глобальных перемен способствует изменениям в человеческом поведении и мировоззрении как на уровне личности, так и на уровне больших групп. Исследуя данные метаморфозы, ученые часто обращаются к проблеме идентичности, ее формирования и развития, влияния на поведение и установки. Особый интерес в последние годы вызывают проблемы гражданской/национальной идентичности. В условиях рисков и неопределен-

ности гражданская идентичность претерпевает изменения (Reese, Proch, Finn, 2015; Нестик, 2025), обуславливая тем самым проявление ряда иных психологических характеристик общества — политическая и ценностно-аффективная поляризация (Iyengar et al., 2019; Лебедев, 2022; Гулевич, Косимова, 2024), консолидация и «сплочение вокруг флага» (Reese, Proch, Finn, 2015; Нестик, 2023), переживание различного рода психоэмоциональных состояний, связанных с ситуациями угрозы целост-

ности идентичности (Нестик, 2024, 2025) и т. д. Все эти феномены представляют собой результат категоризации общества на «своих» и «чужих» в условиях неопределенности, что ведет к проявлению ингруппового фаворитизма и/или аутгрупповой дискриминации (Tajfel, Turner, 2001) в различных ее формах. Одной из форм такого отношения к своим и другим можно считать коллективный нарциссизм.

Коллективный нарциссизм

Коллективный нарциссизм — специфическая форма отношения к своей группе, формируемая на основании идентичности, включающая в себя неоправданно завышенную веру в исключительность своей группы (нации, этноса, политического сообщества, гендерной группы, религиозного сообщества и т. д.) и озабоченность недостаточным признанием этого величия другими группами (Golec de Zavala, 2023). В отличие от здоровой групповой гордости, базирующейся на реалистичной оценке достижений (Leach et al., 2008) или удовлетворенности идентичностью (Golec de Zavala, 2023), коллективный нарциссизм коренится в уязвимости идентичности и потребности во внешнем подтверждении ценности и значимости группы (Golec de Zavala, 2023). Коллективный нарциссизм не сводится к простому ингрупповому фаворитизму по причине своей интенсивности, иррациональности, связи с чувством ущемленности, скрытой неуверенности в группе и готовности к агрессивной защите группового имиджа даже в отсутствие реальной угрозы (Golec de Zavala et al., 2009; Golec de Zavala, 2023; Capelos et al., 2025). Феномен актуализируется под влиянием кризисных условий и ощущения нестабильности, уязвимости своей группы, что приводит к дисбалансу общества, его поляризации и политике недовольства. В качестве таких условий выступают: политические и экономические кризисы, военные конфликты, культурные изменения, подрывающие статус ингруппы (Golec de Zavala, Lantos, 2020; Jasko et al., 2020; Нестик, 2023, 2024; и др.). В условиях социальной аномии через идентификацию с «великой» группой формируется надежда на приобретение стабильности (Marchlewska et al., 2020). Коллективный нарциссизм может использоваться в политической коммуникации, наравне с реакционизмом и ресентиментом, в форме апелляции общества к нарциссическим чувствам через образы врагов и обещания восстановления величия (Golec de Zavala, Dyduch-Hazar, Lantos, 2020; Golec de Zavala, Keenan, 2021, Capelos et al., 2025).

По отношению к другим феноменам личности и группы коллективный нарциссизм высту-

пает фактором негативных социальных установок и психоэмоциональных состояний: межгрупповая враждебность, предрассудки, оправдание насилия, переживание стресса и депрессии (Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, 2023; Mužík, Knorr, Kossowska, 2026; и др.). Феномен коррелирует с политическим радикализмом: поддержкой авторитаризма, национализма, ориентацией на социальное доминирование, ресентиментом (Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, Dyduch-Hazar, Lantos, 2020; Golec de Zavala, Keenan, 2021; Романова и др., 2022; Capelos et al., 2025; Flakus et al., 2025). В основном это выражается в готовности ограничивать свободы и проводить агрессивную внешнюю и внутреннюю политику, в нетерпимости к внутригрупповой критике, что усиливает групповую поляризацию и блокирует компромиссы, снижает просоциальное поведение внутри группы (Cichocka, 2016; Golec de Zavala, Dyduch-Hazar, Lantos, 2020; Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, 2023; Гулевич, Косимова, 2024).

Таким образом, коллективный нарциссизм возникает на стыке уязвимой идентичности, реальных и воспринимаемых угроз и историко-культурного контекста. Он служит маркером неуверенности личности в группе и групповой идентичности в период неопределенности, драйвером социальной дезинтеграции, вражды и авторитаризма. Понимание не только его динамики, но также связи с разными видами социокультурной идентичности, детерминантами его выраженности и развития критически важно для осмысления способов совладания с вызовами, которые стоят перед современными обществами.

Так как в данной работе будут рассмотрены детерминанты выраженности коллективного нарциссизма в российском обществе, далее по тексту будет использоваться понятие «национальный нарциссизм» (Гулевич, Косимова, 2024; Golec de Zavala, Keenan, 2024; Rogoza et al., 2025; и др.). Коллективный нарциссизм — это родовое понятие по отношению к его видам (национальному, религиозному, гендерному, либеральному и т. д.), соответствующим тем большим социальным группам, в которых он проявляется (Golec de Zavala, 2023).

Психологические детерминанты национального нарциссизма

Как было отмечено ранее, отдельным аспектом рассмотрения стоит выделить не просто условия, а детерминанты выраженности национального нарциссизма. В многочисленных исследованиях данный феномен чаще сам выступает как детерминанта коллективных установок и поведения,

тогда как факторы его возникновения анализируются реже, причем обычно через призму отдельных характеристик — идентичности и восприятия угрозы (Golovec de Zavala, 2023). Однако, опираясь на системный подход к детерминантам психологических явлений (Ломов, 1984), такой анализ следует признать недостаточным. Можно предположить, что, как и любой другой феномен, национальный нарциссизм детерминируется системой взаимосвязанных характеристик личности и группы, представляющих разные уровни, которые в совокупности обуславливают проявление данного отношения к ин- и аутгруппам.

Первый уровень — социокультурная идентичность (гражданская, глобальная, религиозная, гендерная и т. д.), выступающая основой феномена (Golec de Zavala, 2023). Эмпирические исследования подтверждают роль идентичности, в частности гражданской, как предиктора, опосредующего реакции на воспринимаемые угрозы группе и формирующего нарциссические защиты (Cichocka, Cislak, 2020). Второй уровень — психоэмоциональные характеристики общества. С одной стороны, аффективная категоризация и негативные состояния (тревога, депрессия) усиливают нарциссизм, равно как и защитная идеализация ингруппы через позитивный аффект (Boag, Carnelley, 2016; Szczepańska et al., 2024; Rogoza et al., 2025), с другой стороны — коллективный нарциссизм сам выступает фактором, усиливающим выраженность стресса и депрессии с течением времени (Mužik, Knott, Kossowska, 2026). Третий уровень — идеологические установки: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный мир, вера в конкурентный мир. Эти элементы идеологических установок связаны с идентичностью, психоэмоциональными состояниями и напрямую коррелируют с национальным нарциссизмом (Григорьев, 2017; Cichocka, 2016; Golec de Zavala, 2023). Четвертый уровень — демографические факторы: половые и поколенческие различия. Половая специфика выраженности нарциссизма подтверждается исследованиями (Golec de Zavala et al., 2009; Golec de Zavala, 2023; Golec de Zavala, Keenan, 2024). Анализ поколенческих различий национального нарциссизма на данный момент не обнаружен в базах научных исследований. Однако, опираясь на теорию поколений и проведенные сравнительные исследования данных когорт, можно предположить качественные различия выраженности нарциссизма и системы его детерминант. Согласно теории поколений В.В. Радаева и эмпирическим исследова-

ованиям, россияне поколения X (реформенное поколение) (1968–1981 годы рождения), пережившие кризисы 1990-х, демонстрируют иные паттерны идентичности и совладания с угрозами, чем миллениалы (1982–2000 годы рождения), чья социализация проходила в условиях стабильности 2000-х и новых вызовов 2010–2020-х (Радаев, 2020; Емельянова, Тарасов, 2023).

Таким образом целью настоящего исследования является расширение представлений о вкладе психологических характеристик (социально-психологических, политико-психологических, психоэмоциональных) как разных уровней системы детерминант национального нарциссизма в целом, а также о зависимости данной системы от пола и поколения.

Основными гипотезами исследования выступили следующие предположения: 1) Система психологических детерминант национального нарциссизма включает в себя факторы разного уровня (социально-психологический, политический, психоэмоциональный); 2) Система факторов выраженности уровня национального нарциссизма различается в зависимости от пола. Так, вероятно, в группе женщин, по сравнению с мужчинами, в большей мере будут выражены психоэмоциональные состояния; 3) Система факторов выраженности национального нарциссизма различается в зависимости от принадлежности к поколенческой когорте.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 800 человек в возрасте от 26 до 58 лет ($M_{\text{возраст}} = 41,58 \pm 3,03$). Среди них 397 (49,7%) мужчин ($M_{\text{возраст}} = 41,53 \pm 9,14$) и 403 (50,3%) женщины ($M_{\text{возраст}} = 41,63 \pm 8,9$). Большая часть выборки (54,4%) имеют высшее образование, работают (90%), проживают в Москве или Санкт-Петербурге (29%) или в городах с населением более 1 млн человек (23,4%).

Для анализа выборка также была поделена на два поколения: реформенное (45–58 лет; $N=398$; $M_{\text{возраст}} = 49,28 \pm 3,45$) и миллениалов (26–44 года; $N=402$; $M_{\text{возраст}} = 33,76 \pm 5,55$). Для выделения поколений была выбрана классификация В.В. Радаева (2020) как более информативная и эмпирически верифицированная в условиях российского общества.

Методический инструментарий. Для измерения национального нарциссизма применялась шкала коллективного нарциссизма (Golec de Zavala et al., 2009; Романова и др., 2022) ($\alpha=0,882$). С целью фиксации психоэмоционального состояния использовались шкалы PHQ-2 (депрессия ($\alpha=0,848$)), GAD-2 (тревога ($\alpha=0,865$)) (Löwe

et al., 2010; Золотарева и др., 2024) и краткая версия шкалы позитивного ($\alpha=0,908$) и негативного ($\alpha=0,938$) аффекта (PANAS) в адаптации Е.Н. Осина (2012). Для измерения глобальной и гражданской идентичности применялись скрининговые шкалы — «Глобальная социальная идентификация» Г. Риза (Reese, Proch, Finn, 2015; Нестик, Журавлев, 2018) ($\alpha=0,719$) и скрининговая шкала гражданской идентичности как привязанности (Roccas et al., 2008; Нестик, 2025) ($\alpha=0,738$). Для выявления идеологических установок использовались короткие версии шкал из методики Дж. Даккита (Duckitt, 2001; Григорьев, 2017) (авторитаризм правого толка ($\alpha=0,768$), ориентация на социальное доминирование ($\alpha=0,814$), вера в опасный мир ($\alpha=0,765$), вера в конкурентный мир ($\alpha=0,710$)).

Процедура исследования и анализ данных. Данные были собраны посредством онлайн-опроса на платформах Google Forms и Анкетолог.

Для обработки данных использовалась программа Jamovi 2.7.15. Были проанализированы описательные статистики, надежность и согласованность шкал (α -Кронбаха), коэффициент корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, проведен множественный регрессионный анализ, модерационный анализ (бутстреп, 1000 выборок).

Результаты

Первоначально была проанализирована выраженность изучаемых характеристик и различия в подгруппах по полу и поколениям (см. табл. 1).

Результаты показали, что национальный нарциссизм, гражданская идентичность, позитивный аффект, авторитаризм правого толка и вера в опасный мир на общей выборке и в подгруппах имеют умеренную выраженность. В свою очередь глобальная идентичность, негативный аффект, ориентация на социальное доминирование и вера в конкурентный мир слабо выражены. Высокую выраженность демонстрируют переживания депрессивного и тревожного состояния, что свойственно обществу в период затяжного кризиса (Нестик, 2025).

Полученные различия свидетельствуют о большей психоэмоциональной травматизации (переживание депрессии и тревоги) в актуальных условиях у миллениалов, по сравнению с реформенным поколением, и тем самым они больше ориентированы на поддержание порядка, стабильности и коллективной безопасности. Женщины по сравнению с мужчинами также больше переживают негативные психоэмоциональные состояния и ориентированы на поддержание социальной сплочен-

ности и стабильности. В то время как мужчины, по сравнению с женщинами, более ориентированы на веру в то, что мир полон опасности и сложившиеся ценности и традиции находятся под угрозой, и веру в то, что мир — это «конкурентные джунгли», место борьбы за власть и ресурсы.

С целью выявления системы детерминант национального нарциссизма и оценки вклада в него идентичности, психоэмоционального состояния и идеологических установок был проведен множественный регрессионный анализ (метод пошагового включения). Анализ проводился как на общей выборке, так и на подгруппах по полу и поколению (см. табл. 2).

Результаты на общей выборке и в подгруппах показали основной вклад психоэмоционального состояния, идеологических установок и возраста в выраженность национального нарциссизма. Гражданская и глобальная идентичность не выступили значимыми предикторами ни в одной группе, что, вероятно, объясняется двойственной природой их связи: нарциссизм — это и результат идентификации с группой, и механизм защиты групповой идентичности в условиях нестабильности. Также, вероятно, именно поэтому возраст вносит отрицательный вклад в национальный нарциссизм. Старшее поколение (X, или реформенное) имеет более сформированную гражданскую идентичность (Емельянова, Тарасов, 2023; Нестик, 2025) и, несмотря на кризис и условия нестабильности, реже прибегает к нарциссизму как стратегии совладания. В то время как более молодые респонденты, переживая кризис гражданской и глобальной идентичности в современных условиях нестабильности, вероятно, чаще используют национальный нарциссизм как защитный механизм.

Несмотря на общность системы факторов, в подгруппах по полу и поколению есть различия. У мужчин среди предикторов отсутствуют психоэмоциональные состояния, но значима вера в опасный мир (восприятие угрозы социальным нормам), что обуславливает ориентацию на ин-группу. У женщин, наоборот, нет значимости веры в опасный мир, но вносят вклад позитивный аффект и депрессия. У миллениалов значимыми предикторами являются восприятие мира как опасного и позитивный аффект. У реформенного поколения значимый вклад вносит негативный аффект и возраст. Вероятно, здесь нарциссизм выступает механизмом совладания с более негативным состоянием — ресентиментом, нивелируя крайние обиду, злость и желание мести (Scheler, 1994).

Таблица 1. Описательная статистика и сравнительный анализ изучаемых переменных на общей выборке (N=800) и в подгруппах мужчин (N=397), женщин (N=403), миллениалов (N=402) и реформенного поколения (N=398)

Переменные	Средние значения (SD)			Сравнение U _{эмп}	Сравнение	
	Общая выборка	Поколения				Средние значения (SD)
		Миллениалы	Реформенное			
		Мужчины	Женщины	U _{эмп}		
Национальный нарциссизм	4,78 (1,4)	4,8 (1,4)	4,77 (1,4)	4,85 (1,33)	4,72 (1,45)	—
Гражданская идентичность	4,2 (1,3)	4,16 (1,3)	4,24 (1,3)	4,2 (1,25)	4,2 (1,32)	—
Глобальная идентичность	2,28 (1,65)	2,28 (1,66)	2,28 (1,65)	2,22 (1,63)	2,34 (1,68)	—
Депрессия	2,9 (1,52)	3,13 (1,53)	2,68 (1,47)	2,79 (1,5)	3,02 (1,54)	2222,5***
Тревога	2,27 (1,43)	2,46 (1,51)	2,08 (1,31)	2,15 (1,37)	2,4 (1,48)	2241,5***
Позитивный аффект	16,85 (5,23)	16,83 (5,44)	16,87 (5,01)	16,9 (5,26)	16,8 (5,2)	—
Негативный аффект	12,68 (5,91)	13,48 (6,26)	11,9 (5,44)	12,16 (5,63)	13,21 (6,13)	2252,5***
Авторитаризм правого толка	4,4 (1,31)	4,46 (1,34)	4,34 (1,28)	4,3 (1,28)	4,5 (1,34)	2266,5***
Ориентация на социальное доминирование	2,92 (1,41)	2,85 (1,4)	2,99 (1,42)	2,93 (1,43)	2,92 (1,4)	—
Вера в опасный мир	4,68 (1,5)	4,69 (1,46)	4,67 (1,54)	4,81 (1,5)	4,56 (1,5)	1857**
Вера в конкурентный мир	2,57 (1,27)	2,54 (1,28)	2,59 (1,25)	2,65 (1,27)	2,49 (1,26)	2890*

Примечание: SD — стандартное отклонение, U_{эмп} — эмпирическое значение U-критерия Манна-Уитни; * — уровень достоверности различий 0,05; ** — уровень достоверности различий 0,01; *** — уровень достоверности различий 0,001.

Таблица 2. Результаты множественного регрессионного анализа детерминант национального нарциссизма на общей выборке (N=800), подгруппе мужчин (N=397), женщин (N=403), миллениалов (N=402) и реформенного поколения (N=398)

Переменные	Общая выборка			Мужчины			Женщины			Миллениалы			Реформенное поколение		
	β	T	p	β	T	p	β	T	p	β	T	p	β	T	p
		R=0,664; R ² =0,441; F=143,68; p<0,001	24,387	***	R=0,664; R ² =0,441; F=99,654; p<0,001	17,077	***	R=0,668; R ² =0,446; F=85,552; p<0,001	18,828	***	R=0,648; R ² =0,42; F=91,385; p<0,001	15,565	***	R=0,679; R ² =0,461; F=91,041; p<0,001	19,793
Авторитаризм правого толка	0,569		***	0,56		***	0,597		***	0,512		***	0,639		***
Ориентация на социальное доминирование	0,113	5,297	***	0,134	4,467	***	0,106	3,539	***	0,129	4,151	***	0,111	3,808	***
Вера в конкурентный мир	-0,11	-4,742	***	-0,138	-4,074	***	-0,102	-3,296	***	-0,147	-4,43	***	-0,093	-2,93	0,004
Вера в опасный мир	0,077	3,441	0,001	0,119	3,835	***	-	-	-	0,106	3,257	0,001	-	-	-
Позитивный аффект	0,113	4,131	***	-	-	-	0,13	3,372	***	0,103	3,007	0,003	-	-	-
Негативный аффект	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,077	2,425	0,016
Депрессия	0,087	3,295	***	-	-	-	0,138	3,667	***	-	-	-	-	-	-
Возраст	-0,082	-3,854	***	-0,11	-3,67	***	-0,064	-2,114	0,035	-	-	-	-0,067	-2,823	0,023

Примечание: *** — уровень значимости меньше 0,001.

В связи с тем, что ранее не было обнаружено значимого вклада идентичности (гражданской и глобальной) в национальный нарциссизм, дополнительно был проведен модерационный анализ. Результаты показали, что в качестве модераторов связи гражданской идентичности и национального нарциссизма выступают (рис. 1): авторитаризм правого толка ($B=-0,056$; $S.E.=0,028$; $95\% CI (-0,112; -0,005)$; $Z=-2,03$; $p=0,042$), вера в опасный мир ($B=-0,130$; $S.E.=0,059$; $95\% CI (-0,245; -0,015)$; $Z=-2,2$; $p=0,027$), позитивный аффект ($B=-0,161$; $S.E.=0,052$; $95\% CI (-0,260; -0,056)$; $Z=-3,07$; $p=0,002$) и негативный аффект ($B=0,085$; $S.E.=0,044$; $95\% CI (-0,002; 0,171)$; $Z=1,92$; $p=0,055$).

По отношению к связи глобальной идентичности и национального нарциссизма модераторами выступают (рис. 2): позитивный аффект ($B=0,087$; $S.E.=0,042$; $95\% CI (0,001; 0,168)$; $Z=2,08$; $p=0,038$), негативный аффект ($B=-0,093$; $S.E.=0,04$; $95\% CI (-0,178; -0,013)$; $Z=-2,3$; $p=0,022$), депрессивное состояние ($B=-0,455$; $S.E.=0,143$; $95\% CI (-0,759; -0,187)$; $Z=-3,18$; $p=0,001$) и состояние тревоги ($B=-0,396$; $S.E.=0,159$; $95\% CI (-0,724; -0,094)$; $Z=-2,48$; $p=0,013$).

Анализ позволил выявить эмоционально зависимый характер связи гражданской и глобальной идентичности с национальным нарциссизмом. Связь

с гражданской идентичностью ослабляется при высоком позитивном аффекте, авторитаризме правого толка, вере в опасный мир и усиливается при негативном аффекте. Т.е. гражданская идентичность становится нарциссизмом в условиях снижения удовлетворенности происходящим вокруг, уязвленности, потери эмоционального и идеологического ресурса. Связь глобальной идентичности с нарциссизмом ослабляется под влиянием негативного аффекта, депрессии, тревоги и усиливается при высоком позитивном аффекте. Такой обратный эффект, с одной стороны, является свидетельством ортогональности гражданской и глобальной идентичности. С другой стороны, интенсивные негативные состояния, вызванные как угрозой самой личности, так и ее национальной группе, сужают психологический фокус, делая глобальную идентичность и поиск значимости в глазах других нерелевантным. Таким образом, национальный нарциссизм возникает не как следствие силы идентичности, а как симптом групповой уязвимости, позитивной идеализации группы и защитный механизм, что соотносится с его сутью (Golec de Zavala, 2023; Rogoza et al., 2025). Он функционирует как компенсаторный механизм защиты группового самоуважения при дефиците устойчивой групповой самооценки в кризисных условиях (Capelos et al., 2025).

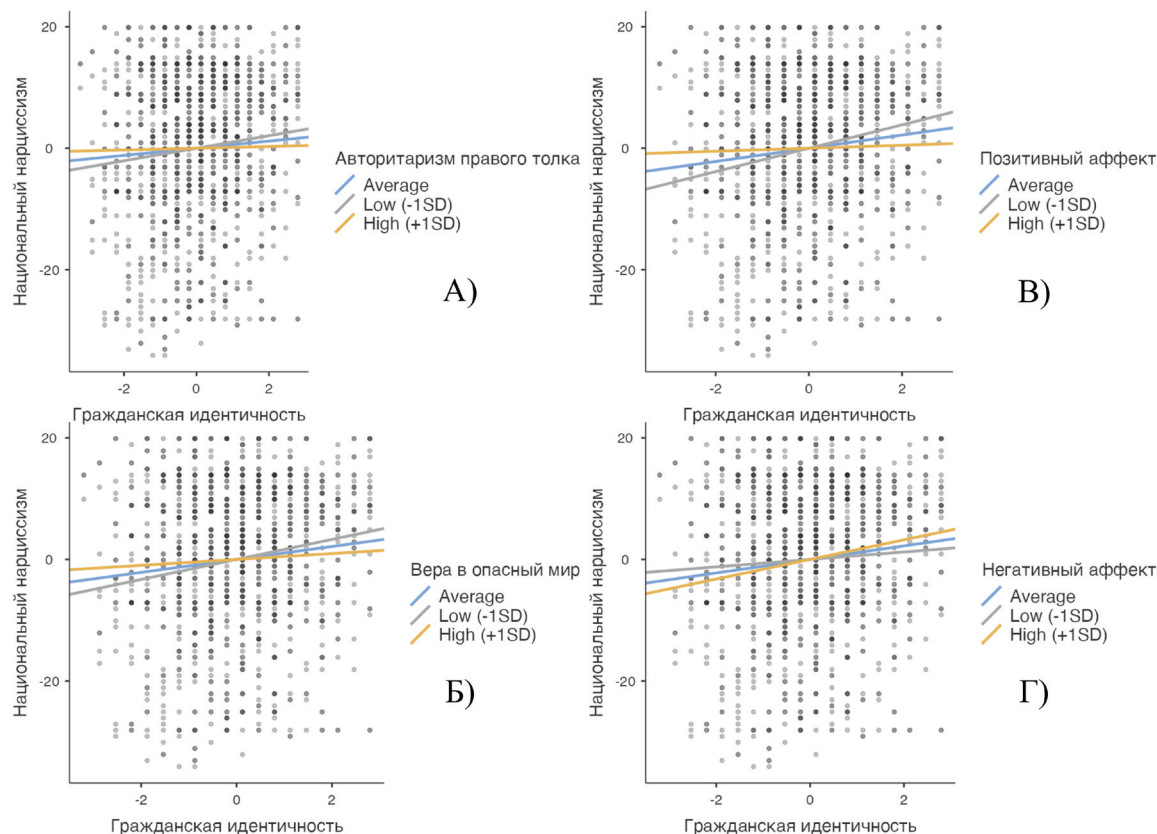

Рис. 1. Результаты модерационного анализа связи гражданской идентичности и национального нарциссизма. Модераторы: А — авторитаризм правого толка, Б — вера в опасный мир, В — позитивный аффект, Г — негативный аффект. Average — среднее значение модератора, low — ниже среднего (st. dev -1), high — выше среднего (st. dev. + 1)

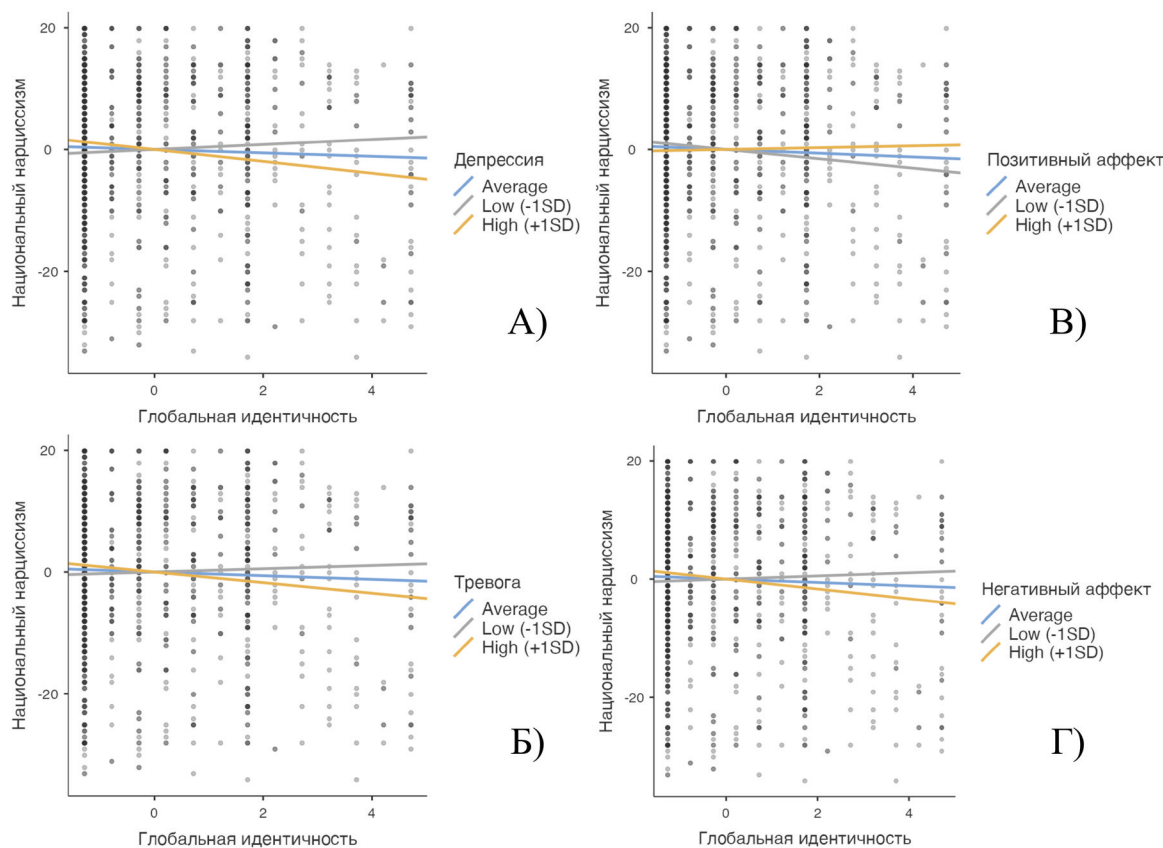

Рис. 2. Результаты модерационного анализа связи глобальной идентичности и национального нарциссизма. Модераторы: А — депрессия, Б — тревога, В — позитивный аффект, Г — негативный аффект. Average — среднее значение модератора, low — ниже среднего (st. dev -1), high — выше среднего (st. dev. + 1)

Обсуждение результатов

Как показали результаты исследования, национальный нарциссизм в российском обществе характеризуется умеренной выраженностью, что указывает как на отсутствие крайних форм ингруппового фаворитизма, так и на дистанцирование от идеи межгруппового равенства. Отсутствие значимых различий между полами и поколениями по уровню нарциссизма частично расходится с данными других исследований (Golec de Zavala, 2023; Golec de Zavala, Keenan, 2024), что может объясняться спецификой российского социокультурного контекста, включая эффект «сплочения вокруг флага» в условиях геополитической нестабильности (Нестик, 2025).

Относительно анализа детерминант наиболее интересным является то, что гражданская и глобальная идентичность не обуславливают национальный нарциссизм напрямую, вопреки теоретическим ожиданиям. Вероятно, это объясняется тем, что идентичность опосредуется иными характеристиками и механизмами в условиях угрозы (Нестик, 2024). Так, модерационный анализ показал, что гражданская идентичность ведет к национальному нарциссизму лишь при дефиците ресурсов: ослабление позитивного аффекта ли-

шает групповую принадлежность эмоциональной опоры, низкий уровень направленности на авторитаризм ограничивает доступ к идеологическим инструментам защиты идентичности, а умеренность восприятия угрозы создает условия для трансформации идентичности в требование исключительного признания (Duckitt, 2001; Leach et al., 2008). Для глобальной идентичности ключевым барьером выступает негативная аффективная нагрузка (тревога, депрессия, негативный аффект), которая сужает когнитивно-эмоциональные ресурсы, блокируя связь с общечеловеческими ценностями (Mackie, Smith, 2002). В кризисных условиях глобальная идентичность становится «роскошью», уступая место национальному нарциссизму как инструменту защиты группы, подтверждая гипотезу о нарциссизме как маркере групповой уязвимости (Golec de Zavala, 2023).

В остальном анализ системы детерминант национального нарциссизма показал, что психоэмоциональные характеристики, особенно негативной модальности, обуславливают переживание иррациональной веры в исключительность ингруппы. Высокие уровни депрессии и тревоги у миллениалов и женщин, вероятно, связаны с их ориента-

цией на нарциссизм как механизм совладания, что соответствует данным о связи коллективного нарциссизма с антагонистическими эмоциями (страх, гнев, отвращение) (Rogoza et al., 2025). При этом амбивалентность психоэмоциональных предикторов у женщин (позитивный аффект и депрессия) требует особого внимания, позитивные эмоции могут отражать защитную идеализацию интропты, компенсирующую тревожные и депрессивные состояния (Molenda et al., 2023; Szczepańska et al., 2024). У реформенного поколения связь национального нарциссизма с негативным аффектом может быть рассмотрена через нивелирование переживания ресентимента, обусловленного исторической несправедливостью, коллективной травмой, трансформируемой в сплоченность и требование признания значимости группы.

Идеологические установки выступают ключевыми предикторами выраженности национального нарциссизма: авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование универсальны для всех групп, что подтверждает теорию Дж. Даккита о базисной роли иерархических убеждений в оправдании группового превосходства (Duckitt, 2001). При этом есть различия по выделенным группам: у мужчин и миллениалов нарциссизм сильнее связан с верой в опасный мир.

Поколенческие различия подчеркивают роль условий социализации. У миллениалов национальный нарциссизм опирается на позитивный аффект и веру в опасный мир, отражая попытку конструирования «сильной» групповой позиции вопреки травмирующему опыту. Для реформенного поколения ключевым становится негативный аффект, что указывает на использование нарциссизма как инструмента ретрадиционализации в ответ на социальные изменения.

В развитии анализа системы детерминант национального нарциссизма перспективно включение личностных переменных (социальный оптимизм, индивидуальный нарциссизм, воспринимаемая справедливость), экономико-психологических показателей (субъективное экономическое неравенство, финансовая тревожность), расширение представлений о психоэмоциональных состояниях, ностальгии (Roseman, 2013; Rogoza et al., 2025),

анализ воспринимаемых угроз, специфических форм стыда/гордости за страну, компонентов антисоциальной триады (реакционизма и ресентимента) (Сычев, Нестик, 2022; Capelos et al., 2025).

Заключение

Исследование подтверждает, что коллективный нарциссизм в России функционирует как адаптивный ответ на групповую уязвимость. Его детерминанты образуют асимметричную систему: политические установки (авторитаризм, ориентация на доминирование) и психоэмоциональные состояния — прямые предикторы, а идентичность опосредована контекстом ресурсного дефицита или аффекта. Полоролевые и поколенческие различия в системе детерминант указывают на ее вариативность. У мужчин и реформенного поколения нарциссизм связан с защитой устоев перед угрозами. У женщин и миллениалов он служит компенсаторным ответом на травму идентичности и негативный аффект. Умеренность выраженности отражает специфику российской коллективности, дистанцирующейся от крайнего фаворитизма, но использующей нарциссизм для консолидации. Результаты расширяют понимание групповой идентификации в эпоху глобальных рисков. Перспективы исследований лежат в междисциплинарной плоскости: интеграция показателей, анализ цифровой среды, расширение детерминант, учет антропологических, политологических, социологических и исторических данных. Управление деструктивными эффектами требует условий для устойчивой групповой идентичности без компенсаторной агрессии.

Ограничения. Основным ограничением является умеренная объяснительная сила регрессионных моделей, указывающая на необходимость учета дополнительных предикторов, таких как личностные черты или экономические факторы. Выборка настоящего исследования недостаточно репрезентирует сельские регионы и малые города, что ограничивает экстраполяцию результатов на всё население. Также не исследовалось влияние этнокультурного разнообразия России, хотя мультинациональный контекст может обуславливать проявления изучаемых детерминант и коллективного нарциссизма.

Литература:

- Григорьев Д. С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 28. № 4. С. 30–44. DOI: 10.11621/npj.2017.0403
- Гулевич О. А., Косимова С. С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–139. DOI: 10.17759/sps.2024150409

- Емельянова Т.П., Тарасов С.В. Эффекты межпоколенческой трансмиссии политических ориентаций // Новые психологические исследования. 2023. Т. 3. № 1. С. 75–92. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_01_04
- Золотарева А.А., Костенко В.Ю., Лебедева А.А., Чумакова М.А. Скрининг тревоги и депрессии в общей популяции: адаптация Patient Health Questionnaire-4 в России // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2024. Т. 58 № 2 С. 45–54. DOI: 10.31363/2313-7053-2024-899
- Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 1(3). С. 2–19.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401
- Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Нестик Т.А. Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 25–39. DOI: 10.17759/sps.2024150403
- Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
- Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 201–220. DOI: 10.17759/sps.2022130312
- Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2022. Т. 19. № 3. С. 528–549. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
- Boag E.M., Carnelley K.B. Attachment and prejudice: The mediating role of empathy // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 55. P. 337–356. DOI: 10.1111/bjso.12132
- Capelos T., Salmela M., Sullivan G.B., Chrona S. The anti-social triad of grievance politics: An integrated model of reactionism, resentment, and collective narcissism // American Behavioral. 2025. Vol. 69. № 5. P. 526–551. DOI: 10.1177/00027642241240351
- Cichocka A. Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism // European Review of Social Psychology. 2016. Vol. 27. № 1. P. 283–317. DOI: 10.1080/10463283.2016.1252530
- Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. Vol. 34. P. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // Advances in Experimental Social Psychology. 2001. Vol. 33. P. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Flakus M., Koc P., Plisiecki H., Pokropek A. Behind beliefs: Collective narcissism, political orientation, and belief in disinformation in the time of war in Ukraine // Social Psychology. 2025. Vol. 56. № 1. P. 14–30. DOI: 10.1027/1864-9335/a000000
- Golec de Zavala A. The Psychology of Collective Narcissism. Insights from Social Identity Theory. London, Routledge, 2023. DOI: 10.4324/9781003296577
- Golec de Zavala A., Keenan O. Collective narcissism as a framework for understanding populism // Journal of Theoretical Social Psychology. 2021. Vol. 5. № 2. P. 54–64. DOI: 10.1002/jts5.69
- Golec de Zavala A., Keenan O. Gender and National Collective Narcissism: Gender Asymmetries and Obstacles to Gender Equality // Sex Roles. 2024. Vol. 90. P. 565–586. DOI: 10.1007/s11199-024-01443-8
- Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29. № 3. P. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703
- Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97. № 6. P. 1074–1096. DOI: 10.1037/a0016904
- Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., Lantos D. Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image // Political Psychology. 2020. Vol. 41. № S1. P. 37–74. DOI: 10.1111/pops.12569

- Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S.J.* The origins and consequences of affective polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. 2019. Vol. 22. P. 129–146. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051117-073034
- Jasko K., Webber D., Kruglanski A.W., Gelfand M., Taufiqurrohmah M., Hettiarachchi M., Gunaratna R.* Social context moderates the effects of quest for significance on violent extremism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 118. № 6. P. 1165–1187. DOI: 10.1037/pspi0000198
- Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.* Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144
- Löwe B., Wahl I., Rose M., Spitzer C., Glaesmer H., Wingenfeld K., Schneider A., Brähler E.* A 4-item measure of depression and anxiety: Validation and standardization of the Patient Health Questionnaire-4 (PHQ-4) in the general population // *Journal of Affective Disorders*. 2010. Vol. 122. № 1–2. P. 86–95. DOI: 10.1016/j.jad.2009.06.019
- Mackie D.M., Smith E.R.* (Eds.). *From Prejudice to Intergroup Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. Psychology Press, 2002. DOI: 10.4324/9781315783000
- Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M.* Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59. P. 857–875. DOI: 10.1111/bjso.12367
- Molenda Z., Marchlewska M., Rogoza M., Szczepańska D.* Shake it off! Adaptive coping with stress reduces national narcissism // *The British Journal of Social Psychology*. 2023. Vol. 62. № 4. P. 1856–1874. DOI: 10.1111/bjso.12660
- Mužik M., Knorr A., Kossowska M.* The (not so) vicious cycle of national narcissism: emotional antecedents and outcomes // *Journal of Research in Personality*. 2026. Vol. 122. Article: 104721. DOI: 10.1016/j.jrp.2026.104721
- Reese G., Proch J., Finn C.* Identification with all humanity: The role of self-definition and self-investment // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. № 4. P. 426–440. DOI: 10.1002/ejsp.2102
- Roccas S., Sagiv L., Schwartz S.H., Halevy N., Eidelson R.* Toward a unifying model of identification with groups: Integrating theoretical perspectives // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. № 3. P. 280–306. DOI: 10.1177/1088868308319225
- Rogoza M., Marchlewska M., Rogoza R., Molenda Z., Szczepańska D., Maciantowicz O., Maison D.* Emotional processes underlying national narcissism // *The Journal of Social Psychology*. 2025. Vol. 165. № 4. P. 587–603. DOI: 10.1080/00224545.2025.2479783
- Roseman I.J.* Appraisal in the emotion system: Coherence in strategies for coping // *Emotion Review*. 2013. Vol. 5. № 2. P. 141–149. DOI: 10.1177/1754073912469591
- Scheler M.* *Ressentiment*. Marquette University Press, 1994.
- Szczepańska D., Marchlewska M., Rogoza R., Podsiadłowski W., Molenda Z., Maciantowicz O., Rogoza M., Klusek D.* The joke is on us? National narcissism and dispositions towards laughter // *Personality and Individual Differences*. 2024. Vol. 221. Article: 112543. DOI: 10.1016/j.paid.2024.112543
- Tajfel H., Turner J.* An integrative theory of intergroup conflict // *Intergroup relations: Essential readings* / M.A. Hogg, D. Abrams (Eds.). Psychology Press, 2001. P. 94–109.

DETERMINANTS OF COLLECTIVE (NATIONAL) NARCISSISM: THE ROLE OF PSYCHO-EMOTIONAL STATES, SEX AND GENERATION

© Semyon V. Tarasov

PhD in Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
tarasovsemv@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8790-7219

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 0138–2026–0018 “Individual and group psychological mechanisms of consolidation of Russian society in the context of a geopolitical crisis”)

The article examines collective (national) narcissism as a phenomenon that manifests itself under conditions of perceived identity vulnerability and is associated with aggressive defense of group image. These aspects become a significant marker of social disintegration in the context of global risks. Understanding the determinants of narcissism may help reduce its possible negative effects. The aim of this study is to analyze the multilevel system of determinants (socio-psychological, political, and emotional) of collective (national) narcissism. *Sample.* The study involved 800 Russians aged 26 to 58 years ($M=41,58$, $SD=3,03$; 50,3% women, 49,75% millennials, 50,25% reform generation (X)). *Methods.* The Collective Narcissism Scale adapted by M.O. Romanova and colleagues; the Civic and Global Identity Scales adapted by T.A. Nestik; short versions of the scales from J. Duckitt's methodology adapted by D.S. Grigoriev; the PHQ4 scale adapted by N.V. Pogosova and colleagues; and the Positive and Negative Affect Schedule (PANAS) adapted by E.N. Osin. *Results.* Political attitudes and emotional states of Russians make the primary contribution to national narcissism. The contribution of emotional states is greater in women than in men. In women, unlike in the male subgroup, positive affect and depression also contribute to national narcissism. The millennial generation shows higher levels of depressive and anxiety symptoms and experiences more negative affect than the reform generation (Generation X). The contribution of civic and global identity to the level of national narcissism is mediated by the intensity of emotional states. *Conclusions.* Among Russians, regardless of sex or generation, national narcissism functions as compensation for group vulnerability and a defense mechanism of identity in the current crisis situation.

Keywords: collective narcissism, national narcissism, determinants, political attitudes, emotional states, identity, generation, sex differences

REFERENCES

- Grigoryev D. S. (2017). Development of a short version of the dual process model scales: Right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews // *National Psychological Journal*. Vol. 28. № 4. P. 30–44. DOI: 10.11621/npj.2017.0403
- Gulevich O. A., Kosimova S. S. (2024). The relationship between Russian identity and political polarization: The role of secure national identification and national narcissism // *Social Psychology and Society*. Vol. 15. № 4. P. 123–139. DOI: 10.17759/sps.2024150409
- Emelyanova T. P., Tarasov S. V. (2023). Effects of intergenerational transmission of political orientations // *New Psychological Research* Vol. 3. № 1. P. 75–92. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_01_04
- Zolotareva A. A., Kostenko V. Yu., Lebedeva A. A., Chumakova M. A. (2024). Screening for anxiety and depression in the general population: Adaptation of the Patient Health Questionnaire-4 in Russia // *V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*. Vol. 58 № 2 P. 45–54. DOI: 10.31363/2313-7053-2024-899
- Lebedev A. N. (2022). On the theory of value-affective polarization of social groups // *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 2. № 1. P. 2–19.
- Lomov B. F. (1984). *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow, Nauka.
- Nestik T. A. (2023). The influence of military conflicts on the psychological state of society: Promising areas of research // *Social Psychology and Society*. Vol. 14. № 4. P. 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401
- Nestik T. A. (2025). *Collective future image: a socio-psychological analysis*. Moscow, Institute of Psychology RAS.
- Nestik T. A., Zhuravlev A. L. (2018). *Psychology of global risks*. Moscow, Institute of Psychology RAS.
- Nestik T. A. (2024). The Pollyanna Effect: The role of positive personal and group identity defense mechanisms // *Social Psychology and Society*. Vol. 15. № 4. P. 25–39. DOI: 10.17759/sps.2024150403
- Osin E. N. (2012). Measuring positive and negative emotions: Development of a Russian version of the PANAS // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9. № 4. P. 91–110.
- Radaev V. V. (2020). The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one) // *Sociological Journal*. Vol. 26. № 3. P. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
- Romanova M. O., Ivanov A. A., Bogatyreva N. I., Terskova M. A., Bykov A. O., Ankushev V. V. (2022). Adaptation of the Collective Narcissism Scale in a Russian sample // *Social Psychology and Society*. Vol. 13. № 3. P. 201–220. DOI: 10.17759/sps.2022130312
- Sychev O. A., Nestik T. A. (2022). Moral foundations for the feelings of shame and pride regarding the native country // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 19. № 3. P. 528–549. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549

- Boag E. M., Carnelley K. B. (2016). Attachment and prejudice: The mediating role of empathy // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. P. 337–356. DOI: 10.1111/bjso.12132
- Capelos T., Salmela M., Sullivan G. B., Chrona S. (2025). The anti-social triad of grievance politics: An integrated model of reactionism, resentment, and collective narcissism // *American Behavioral*. Vol. 69. № 5. P. 526–551. DOI: 10.1177/00027642241240351
- Cichočka A. (2016). Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism // *European Review of Social Psychology*. Vol. 27. № 1. P. 283–317. DOI: 10.1080/10463283.2016.1252530
- Cichočka A., Cislak A. (2020). Nationalism as collective narcissism // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. P. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Duckitt J. (2001). A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 33. P. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Flakus M., Koc P., Plisiecki H., Pokropek A. (2025). Behind beliefs: Collective narcissism, political orientation, and belief in disinformation in the time of war in Ukraine // *Social Psychology*. Vol. 56. № 1. P. 14–30. DOI: 10.1027/1864-9335/a000000
- Golec de Zavala A. (2023). *The Psychology of Collective Narcissism. Insights from Social Identity Theory*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9781003296577
- Golec de Zavala A., Keenan O. (2021). Collective narcissism as a framework for understanding populism // *Journal of Theoretical Social Psychology*. Vol. 5. № 2. P. 54–64. DOI: 10.1002/jts5.69
- Golec de Zavala A., Keenan O. (2024). Gender and National Collective Narcissism: Gender Asymmetries and Obstacles to Gender Equality // *Sex Roles*. Vol. 90. P. 565–586. DOI: 10.1007/s11199-024-01443-8
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 29. № 3. P. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703
- Golec de Zavala A., Cichočka A., Eidelson R., Jayawickreme N. (2009). Collective narcissism and its social consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. № 6. P. 1074–1096. DOI: 10.1037/a0016904
- Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., Lantos D. (2020). Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image // *Political Psychology*. Vol. 41. № S1. P. 37–74. DOI: 10.1111/pops.12569
- Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. Vol. 22. P. 129–146. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051117-073034
- Jasko K., Webber D., Kruglanski A. W., Gelfand M., Taufiqurrohman M., Hettiarachchi M., Gunaratna R. (2020). Social context moderates the effects of quest for significance on violent extremism // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 118. № 6. P. 1165–1187. DOI: 10.1037/pspi0000198
- Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M. L. W., Pennekamp S. F., Doosje B., Ouwerkerk J. W., Spears R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. № 1. P. 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144
- Löwe B., Wahl I., Rose M., Spitzer C., Glaesmer H., Wingenfeld K., Schneider A., Brähler E. (2010). A 4-item measure of depression and anxiety: Validation and standardization of the Patient Health Questionnaire-4 (PHQ-4) in the general population // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 122. № 1–2. P. 86–95. DOI: 10.1016/j.jad.2009.06.019
- Mackie D. M., Smith E. R. (Eds.). (2002). *From Prejudice to Intergroup Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. Psychology Press. DOI: 10.4324/9781315783000
- Marchlewska M., Cichočka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M. (2020). Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 59. P. 857–875. DOI: 10.1111/bjso.12367
- Molenda Z., Marchlewska M., Rogoza M., Szczepańska D. (2023). Shake it off! Adaptive coping with stress reduces national narcissism // *The British Journal of Social Psychology*. Vol. 62. № 4. P. 1856–1874. DOI: 10.1111/bjso.12660
- Mužik M., Knorr A., Kossowska M. (2026). The (not so) vicious cycle of national narcissism: emotional antecedents and outcomes // *Journal of Research in Personality*. Vol. 122. Article: 104721. DOI: 10.1016/j.jrp.2026.104721
- Reese G., Proch J., Finn C. (2015). Identification with all humanity: The role of self-definition and self-investment // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 45. № 4. P. 426–440. DOI: 10.1002/ejsp.2102

- Roccas S., Sagiv L., Schwartz S.H., Halevy N., Eidelson R.* (2008). Toward a unifying model of identification with groups: Integrating theoretical perspectives // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 12. № 3. P. 280–306. DOI: 10.1177/1088868308319225
- Rogoza M., Marchlewska M., Rogoza R., Molenda Z., Szczepańska D., Maciantowicz O., Maison D.* (2025). Emotional processes underlying national narcissism // *The Journal of Social Psychology*. Vol. 165. № 4. P. 587–603. DOI: 10.1080/00224545.2025.2479783
- Roseman I.J.* (2013). Appraisal in the emotion system: Coherence in strategies for coping // *Emotion Review*. Vol. 5. № 2. P. 141–149. DOI: 10.1177/1754073912469591
- Scheler M.* (1994). *Ressentiment*. Marquette University Press.
- Szczepańska D., Marchlewska M., Rogoza R., Podsiadłowski W., Molenda Z., Maciantowicz O., Rogoza M., Klusek D.* (2024). The joke is on us? National narcissism and dispositions towards laughter // *Personality and Individual Differences*. Vol. 221. Article: 112543. DOI: 10.1016/j.paid.2024.112543
- Tajfel H., Turner J.* (2001). An integrative theory of intergroup conflict // *Intergroup relations: Essential readings* / M.A. Hogg, D. Abrams (Eds.). Psychology Press. P. 94–109.